

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3

2024

З. М. Дашевская

Авторский курс литургики экстраординарного профессора СПбДА И. А. Карабинова: особенности изложения материала и подходы к преподаванию дисциплины

УДК 271.2(470.23-25)-756-9+27-5
DOI 10.47132/1814-5574_2024_3_222
EDN MQKMFL

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию курса литургики, который И. А. Карабинов преподавал в СПбДА на протяжении более 10 лет. В статье рассматривается структура и содержание курса, научный аппарат, а также основные гипотезы и выводы, сделанные русским литургистом в рамках преподаваемой им дисциплины. Авторский курс И. А. Карабинова развивает подход к преподаванию литургики в СПбДА как исторической дисциплины, заложенный А. Л. Катанским и Н. В. Покровским, но также является самостоятельным исследовательским вкладом в развитие историко-литургической науки в России. Наряду с курсами А. А. Дмитриевского, прочитанными в КДА и КазДА и на Высших богословских курсах в Петрограде, курс И. А. Карабинова свидетельствует о личных исследовательских приоритетах ученого и о потенциале развивающейся в России дисциплины — литургики.

Ключевые слова: И. А. Карабинов, литургика, Санкт-Петербургская (Петроградская) духовная академия, литургия, богослужение суточного круга, богослужение церковного года.

Об авторе: **Зоя Михайловна Дашевская**

Старший преподаватель Свято-Филаретовского института, исследователь.

E-mail: zoia.dashevskaya@sfi.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2193-3382>

Для цитирования: Дашевская З. М. Авторский курс литургики экстраординарного профессора СПбДА И. А. Карабинова: особенности изложения материала и подходы к преподаванию дисциплины // Христианское чтение. 2024. № 3. С. 222–242.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 06.04.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2024

Zoya M. Dashevskaya

Unique Course in Liturgics by Ivan Karabinov, Extraordinary Professor of St. Petersburg Theological Academy: Specifics of Material Presentation and Teaching Approaches

UDK 271.2(470.23-25)-756-9+27-5
DOI 10.47132/1814-5574_2024_3_222
EDN MQKMFL

Abstract: The article deals with the study of the Liturgics course taught by I. A. Karabinov at St. Petersburg Theological Academy for more than 10 years. Discussed are the structure and content of the course, its scientific apparatus, as well as the main hypotheses and conclusions made by the Russian liturgist with regard to the discipline he taught. I. A. Karabinov's course elaborates the approach to teaching liturgics at St. Petersburg Theological Academy as a historical discipline that was initiated by A. L. Katansky and N. V. Pokrovsky, but it is also an independent research contribution to the development of historical and liturgical science in Russia. Along with A. A. Dmitrievsky's courses at Kyev Theological Academy, Kazan Theological Academy and the Higher Theological Courses in Petrograd, I. A. Karabinov's course testifies to the personal research priorities of the scholar and to the potential of the discipline developing in Russia — liturgics.

Keywords: Ivan Karabinov, St. Petersburg (Petrograd) Theological Academy, liturgical studies, Holy Eucharist, Liturgy of the Hours, liturgical year.

About the author: **Zoya Mikhailovna Dashevskaya**
Senior Lecturer at the St. Philaret's Institute; Researcher.
E-mail: zoya.dashevskaya@sfi.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2193-3382>

For citation: Dashevskaya Z. M. Unique Course in Liturgics by Ivan Karabinov, Extraordinary Professor of St. Petersburg Theological Academy: Specifics of Material Presentation and Teaching Approaches. *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 3, pp. 222–242.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 27.02.2024; accepted for publication 06.04.2024.

1. Методические аспекты лекционного курса

Преподавательская карьера И. А. Карабинова в СПбДА началась в 1905 г. После выхода в отставку проф. Н. Покровского кандидатура Ивана Алексеевича как профессорского стипендиата рассматривалась «на замещение вакантной в Академии кафедры церковной археологии и литургики» (Журналы, 1906, 10–11). Советом Академии 10 октября 1905 г. И. А. Карабинов был избран на эту кафедру и утвержден в качестве и. д. доцента (Отчет, 1906, 6). После успешной защиты магистерской диссертации, посвященной исследованию Постной триоды, доцент И. А. Карабинов был утвержден Св. Синодом (Указ от 16 марта 1911 г. за № 3556) в должности экстраординарного профессора (Отчет, 1912, 20). Преподавательская деятельность И. А. Карабинова в СПбДА завершилась с закрытием духовной школы в 1918 г. Сохранились литографированные и машинописные экземпляры лекционных курсов И. А. Карабинова за 1905–1906, 1906–1907, 1909–1910, 1910–1911, 1911–1912 и 1914–1915 уч. гг., с которыми можно ознакомиться в фондах РНБ. Подход, который был избран И. А. Карабиновым в преподавании литургики, отличает глубина и самобытность, что становится очевидным при сопоставлении курсов лекций И. А. Карабинова с подходами его предшественников по кафедре — А. Л. Катанского, который подробно описывает содержание своего курса в мемуарах (Катанский, 2010), и, в особенности, Н. В. Покровского (Покровский, 1902) (см. об этом: [Дашевская, 2021, 42]). С одной стороны, можно засвидетельствовать преемство в преподавании литургики как исторической дисциплины, с другой — очевидна структурная и тематическая новизна курсов И. А. Карабинова.

Курс 1906 г., первый в педагогической практике И. А. Карабинова, исправляющего должность доцента, открывается вводной лекцией, в которой молодой преподаватель, явно желая привлечь внимание слушателей к предмету, раскрывает разнообразие несоответствия исторических форм богослужения и существующей практики, делает упор на понимании и сознательном участии. Материал сохраняет черты авторской интонации:

Избитая фраза, что богослужение в нашей православной церкви занимает очень важное место: самое наше православное христианство можно назвать литургическим, как, например, протестантство — христианством рационалистическим. Я не говорю здесь о старообрядцах; православный простой народ знает из христианства почти только дни богослужения, а интеллигентная публика, хотя и не особенно верует православной догме, но тоже придерживается церковных обрядов, — одни по законам государственной службы, другие по привычке. Поэтому первым пониманием богослужения нужно для сознательного отношения к христианству, а вторым небезынтересно узнать смысл того, что они проделывают механически. Когда я говорю о непонимании, я разумею самое простое понимание умом, ясным сознанием, а не мистическое какое-либо, например сердцем (Карабинов, 1906, 5)¹.

В своей вводной лекции И. А. Карабинов обозначает ряд литургико-догматических дискуссионных проблем, не имеющих однозначного решения, — например,

¹ Авторский посыл И. А. Карабинова апеллирует к сознательному участию в богослужении, путь к которому лежит через понимание. Иным образом призывает к изучению своей дисциплины в начале авторского курса А. А. Дмитриевский, акцентируя внимание на историческом подходе к богослужению: «В наш век успеха умственного развития и в то же время оскудения искреннего и сердечного благочестия настает особенная необходимость в объяснении богослужения образованному обществу обратиться к другому способу — историческому. Только чрез такого рода толкование мы можем заставить наше так называемое образованное общество, весьма мало понимающее наше богослужение, отнестись к нему разумно, с сознательным, а потому более прочным уважением, если не с глубоким разумным благоговением» (Дмитриевский, 2017, 135).

Экстраординарный профессор по кафедре Литургики СПбДА Иван Алексеевич Карабинов. 1912 г. Фотография из выпускного альбома студента СПбДА, будущего протоиерея Владимира Благовещенского. Личный архив семейства Благовещенских (Псков)

он касается вопроса о времени пресуществления Св. Даров на литургии и показывает, что с помощью литургических изысканий можно оценить разнообразие евхологического наследия всей Церкви и отойти от догматического противостояния². Как и для профессора КДА А. А. Дмитриевского, одним из основополагающих тезисов для И. А. Карабинова является признание за богослужением его изменчивости во времени, поскольку последования создавались людьми в различные эпохи (Карабинов, 1906, 13). И. А. Карабинов постулирует необходимость изучать богослужение как целостный развивающийся в истории феномен³. Сегодня эта мысль не представляется дерзновенной или новаторской, но более ста лет назад научный консенсус по этому вопросу в российском академическом сообществе только формировался.

Любые богослужебные формы могут стать предметом историко-литургического анализа⁴, и потому к источникам литургической науки И. А. Карабинов относит не только литургические книги, тексты и последования, но и «всё, что хоть сколько-нибудь говорит о богослужении, начиная от творений святых отец и кончая картиной из катакомб, изображающей христианскую вечерю любви или что-либо в этом роде» (Карабинов, 1906,

21). Решение поставленной задачи — выстроить по возможности целостную траекторию развития литургического чина — предполагает опору на литургические источники, и в первую очередь на литургические рукописи, изданные или доступные И. А. Карабинову *de visu*; он избирательно использует литургико-канонические памятники, а также широкий спектр косвенных источников: святоотеческие проповеди и монашеские писания, огласительные поучения, канонические правила Поместных Соборов и свидетельства церковных историков — Евсевия Кесарийского, Созомена и др. И. А. Карабинов группирует литургии, происходящие из единого регионально-го корня («литургические семьи»), в авторской последовательности, хотя упоминает труды Иосифа Алоизия Ассемани и Е. Ренодо, Моне и Мабильона, а также публикацию источников Ф. Е. Брайтманом и Ч. Э. Хаммондом, и критикует последних за предложенную учеными классификацию, поскольку, по мнению Ивана Алексеевича, она «основана больше на внешних, чем на внутренних свойствах литургий» (Карабинов,

² «...укажу на спор о времени пресуществления Св. Даров между восточными и западными и христианами — и о необходимости в каноне литургии особенной ходатайственной молитвы о ниспослании Св. Духа. <...> С исторической точки зрения и католики, и православные — и правы, и не правы. Ходатайство о Св. Духе несомненно более поздняя вставка в каноне литургии, но Св. Дары никогда не освящались установительными словами Христа» (Карабинов, 1906, 11).

³ «Поэтому самый подходящий метод в Литургики — метод, который действует так же, как складывались изучаемые явления, то есть „исторический“» (Карабинов, 1906, 14–15).

⁴ «[Литургики] должна быть историей христианского богослужения: всё, что только входит в его состав, начиная от литургии и кончая какой-либо „молитвой на пострижение брады“, должно быть и предметом литургики» (Карабинов, 1906, 21).

1911, 44). При цитировании текстов на русском языке И. А. Карабинов использовал переводы, помещенные в «Собрании древних литургий».

Последовательный историзм, изучение всех богослужебных форм в их развитии привели И. А. Карабинова к необходимости расширить исторический метод в сравнительно-историческую область, и потому он присоединяет к историческому методу метод «сравнительно-исторический», «поскольку таким методом разрабатывается теперь история культуры, первоначального права и тому подобное» (Карабинов, 1906, 14–15). Как полагает И. А. Карабинов, сравнительно-историческая методология может оказать «большую услугу литургике и объяснить много темных и непонятных явлений» (Карабинов, 1906, 16). Сравнительный метод также позволяет определить истоки и этапы формирования тех или иных последований и текстов⁵, выявить за подобием внешней формы чинопоследований общую богословскую основу (Карабинов, 1906, 24), а для выявления корней христианских богослужебных последований необходимо углубиться и в нехристианские пласты молитвенного и литургического опыта⁶.

Таким образом, при разработке литургических вопросов, как полагает И. А. Карабинов, следует основываться на историческом исследовании богослужебных форм — как целостных последований, так и отдельных их элементов; их следует рассматривать внутри определенного культурно-исторического контекста. Подход И. А. Карабинова имеет немало сходных черт с методологическими положениями литургической науки 2-й пол. XX в., развитых представителями т.н. школы Матеоса⁷. Следует отметить, что сравнительно-исторический метод был озвучен И. А. Карабиновым до того, как немецкий ориенталист и литургист А. Баумштарк обнародовал свою основополагающую для этого метода работу о сравнительном методе в литургиологии «Liturgie comparée» [Baumstark, 1939–1953].

2. История литургической науки и оценка И. А. Карабиновым ее современного состояния

Обзор историко-литургических исследований И. А. Карабинов начинает с изучения западнохристианского богослужения и указывает книгу швейцарского протестантского ученого XVI в. Рудольфа Хоспиниана. Методология этого автора заключается в исследовании **происхождения и развития обрядов**, которые он берется рассматривать (Карабинов, 1906, 24). Из католических деятелей литургической науки он упоминает доминиканца Якова Гоара и его «Евхологий», издание древних восточных литургий, выполненное Евсевием Ренодо, а также издания источников,

⁵ Реконструировав обряд «сошествия благодатного огня», И. А. Карабинов показывает, как древний обряд обновления масла в лампадах Иерусалимского храма Воскресения и возжигания новой лампы постепенно трансформировался в те обрядовые формы, которые сохраняются и в настоящее время. Сопоставив обряд возношения огня в Великую Субботу с евхаристией, а молитву на освящение воды в таинстве Крещения — с евхаристической молитвой, ученый указывает на сходство эпиклетического призывания Св. Духа и ходатайства о живых в молитве водоосвящения с анафорой (Карабинов, 1906, 24).

⁶ «Для истории христианского богослужения нужно сравнивать не только богослужение отдельных вероисповеданий, но привлечь сюда богослужебные обычаи и тех религий, среди которых христианство появилось и развилось» (Карабинов, 1906, 20).

⁷ См., напр., тезисы одного из авторитетных представителей этого исследовательского направления, архим. Р. Ф. Тафта: «Единственный надежный способ понимания и осмысления любого культурного феномена заключается в том, чтобы увидеть, чем это явление было раньше и каким образом дошло до наших дней в его современном виде. Это можно сделать, только изучив его генезис и развитие, одним словом, историю, куда входит и способ функционирования данного феномена в наши дни» [Роберт Тафт, 2011б, 316].

выполненные Дж. Мейсоном Нилом, Брайтманом и Хаммондом. Ученый высоко оценивает труд Э. Мартена, признавая, что исследовательский компонент этого труда устарел; несмотря на ученые достоинства, Мартен «особой науки — истории богослужения — ...не создал» (Карабинов, 1906, 31). И. А. Карабинов также обращает внимание на разработки Де Верта, в особенности на применение им сравнительно-исторического метода при исследовании богослужения, и называет его метод «наиболее правильным и естественным» (Карабинов, 1906, 34). Как отрасль науки литургику трудно посчитать вполне самостоятельной дисциплиной, поскольку ее отдельные аспекты изучались в рамках смежной дисциплины — археологии, поэтому он как специалиста в смежной области упоминает Бингама⁸ и указывает на тщательную обработку источников, сделанную последним. Среди специалистов-археологов он называет Августи и Бинтерима и их ставшие классикой (и уже устаревшие к тому времени) работы, которые были «бытовой и только между прочим богослужебной археологией христианства», но «еще не историей богослужения» (Карабинов, 1906, 37). Из представителей католической немецкой науки И. А. Карабинов указывает Люфта и Шмидта и критикует работы последнего: «его литургика не больше, чем комментарий и руководство к богослужению, рассчитанный на уровень развития даже ниже среднего» (Карабинов, 1906, 41). В целом русский литургист оценивает разработки католических и протестантских ученых как прикладные: литургика у тех и у других является фактически историей культа, которая необходима им для «установления нормы своего богослужения» (Карабинов, 1906, 43). Среди фундаментальных современных ему исторических изданий И. А. Карабинов упоминает многотомную серию “*Monumenta ecclesiae liturgica*”, начатую бенедиктинцами Фернаном Кабрелем и Анри Леклерком, и их же Словарь христианских древностей и литургии. Интерес с точки зрения литургической науки представляет упоминаемый И. А. Карабиновым круг исследователей, на работы которых он опирается в изложении материала: он осведомлен о современных ему научных гипотезах коллег относительно развития литургического чина, в курсе есть отсылки к работам Функа, Пробста, Древса, Дюшена, Баумштарка и др. Так, в его лекционном курсе 1911 г. есть ссылки на совсем свежую работу А. Баумштарка, опубликованную в 1906 г. (Карабинов, 1911, 34). Следовательно, Иван Алексеевич был в курсе научных публикаций зарубежных коллег (об этом свидетельствуют ссылки на их работы в его текстах и сведения о наличии соответствующих научных журналов в фундаментальной академической библиотеке⁹); его работы также получили отклик европейских специалистов [Salaville, 1910, 306–307; Hann, 1912, 812–813].

В завершение методологического введения к своему курсу И. А. Карабинов справедливо указывает: «Разработка истории о богослужении в России только начинается» (Карабинов, 1906, 44).

3. Структура лекционного курса в соединении с семинарскими занятиями

Лекционные курсы И. А. Карабинова сохранились в виде литографированных рукописных и машинописных изданий и представляют собой конспекты, вероятно, проверенные автором перед их публикацией, как это было принято в духовных школах (см.: [Сухова, 2012, 429]). Лекционные курсы И. А. Карабинова разных лет отличаются друг от друга. Так, лекционный курс 1905–1906 гг. меньше по объему, чем курсы последующих лет, но его открывает вводная лекция с разъяснением целей и задач дисциплины и кратким обзором литературы, которая отсутствует в последующих курсах;

⁸ «...его *Origines* и теперь еще прекрасная и удобная книга» (Карабинов, 1906, 37).

⁹ Так, напр., в академическую библиотеку регулярно поступал журнал «*Oriens Christianus*», издаваемый А. Баумштарком с 1901 г., журнал «*Échos d'Orient*» и другие периодические издания.

содержание излагаемого материала в курсах, например, 1909–1910 и 1910–1911 гг., совпадает до деталей. В курсах 1911–1912 и 1914–15 гг. добавилась вступительная часть, но структура курса сформирована. К 1911–1912 гг. курс предваряется введением и состоит из трех фундаментальных разделов: 1. Очерк истории литургии; 2. Службы суточного круга; 3. Богослужебный календарь (Карабинов, 1912, 3–6).

В последней части вводной лекции курса 1905–1906 гг. И. А. Карабинов раскрывает план изложения материала: он предполагает *вначале изложить историю служб суточного круга, «т. е. литургии, утрени, вечерни и других служб», затем историю мессы, т. е. подвижных и неподвижных праздников, а в связи с ними дать краткий очерк византийской церковной поэзии и богослужебных сборников — миней, триоди и др., и, наконец, историю т. н. частного богослужения, т. е. историю чинов Крещения, Миропомазания и других подобных служб* (Карабинов, 1906, 45). По-видимому, при разработке курса И. А. Карабинов ориентировался на приоритетный для него по значимости материал и потому не следовал своему предшественнику по кафедре церковной археологии и литургии проф. Н. В. Покровскому: последний предвзял изложение литургического материала большим общим разделом и излагал историю развития последований хронологически. Курс Н. В. Покровского включал в себя предмет и метод литургии; изложение источников и содержание богослужебных книг, в том числе нотных, с подробной историей становления записи нотных знаков; литературу литургии с анализом историко-литургических сочинений от толкования богослужения к его научной систематизации; богослужение суточного круга и литургии, развитие ее частей — проскомидии, литургии оглашаемых, литургии верных (см.: (Покровский, 1902)). Своя авторская система преподавания сложилась и у проф. КДА А. А. Дмитриевского: его курс делился традиционно на «общую» («субъективный элемент христианского богослужения, виды и место молитв в богослужении; церковная гимнография и ее основные предшественники на Востоке и Западе вплоть до IX в.; богослужебное пение в России») и «частную» (история происхождения последований различных литургий и богослужения суточного круга, а также церковных таинств) литургику (см.: [Акишин, 2020, 322]). Методическим нововведением А. А. Дмитриевского был подраздел «частной» литургии — литургика «прикладная», который был посвящен составу богослужебных книг и истории их формирования. Содержание курса И. А. Карабинова показывает, что он не копировал известные в нач. XX в. подходы к преподаванию дисциплины, но избрал свой собственный (см. об этом: [Дашевская, 2021, 41–43]). В течение 1906–1907 гг. под влиянием подготовки первой магистерской диссертации «Евхаристическая молитва (анафора): опыт историко-литургического анализа» И. А. Карабинов существенно скорректировал подходы к преподаванию, выделив основной, на его взгляд, материал, и в последующие годы ядро курса оставалось неизменным. Отчеты о состоянии СПбДА за 1906–1907 и 1907–1908 гг. подтверждают, что И. А. Карабинов придерживался избранного им подхода¹⁰. В 1909–1910 и в 1910–1911 гг. его курс начинается прямо с основного материала. Отдельной программы курса обнаружить не удалось, поэтому структуру курса можно восстановить из материала лекций:

1. Начало литургии (с. 3–42): изложение порядка иудейской трапезы в сравнении с евхаристическими главами Дидахи;
2. Обзор и история отдельных литургий, преимущественно рассматривается литургия VIII книги Апостольских постановлений и антиохийская литургия в целом (с. 43–89);
3. Литургия свт. Василия Великого (с. 89–109);

¹⁰ «Исправляющий должность доцента по кафедре литургии и археологии, Иван Карабинов в первую и вторую половины 1907 учебного года читал историю литургии» (Отчет, 1907, 23); «Исправляющий должность доцента по кафедре литургии и церковной археологии, Иван Алексеевич Карабинов, в течение первой половины 1908 г. читал студентам III курса историю литургии и прочих служб дневного круга. Во вторую половину года определением Совета Академии освобожден от чтения лекций» (Отчет, 1908, 35).

4. Литургия свт. Иоанна Златоуста и литургия Константинопольской церкви (с. 109–156);
5. Литургия ап. Иакова (с. 156–172);
6. Несторианская литургия (с. 173–180);
7. Армянская литургия (с. 180–184);
8. Египетская литургия (с. 184–196);
9. Западные литургии (с. 196–213);
10. Очерк истории служб суточного круга = палестинского часослова (с. 214–235);
11. Чины дневных служб по уставу Великой Константинопольской церкви (с. 235–255);
12. Часословы прочих (несторианской и монофизитской) церквей (с. 255–272);
13. Богослужебный год (с. 273–297);
14. Календарь памяти неподвижных (с. 298–313), памяти святых (с. 314–336) (Карабинов, 1911).

Курсы 1911–1912 и 1914–1915 гг. несколько отличаются от предыдущих, но концептуальная структура остается прежней, поскольку в центре внимания И. А. Карабинова оказывается евхаристическая молитва и особенности литургической практики. Курс 1911–1912 гг. предваряется т. н. «конспектом» (Карабинов, 1912, 3–6), т. е. планом курса, который выглядит следующим образом:

ВВЕДЕНИЕ. Теоретическая и практическая важность изучения богослужения. Историческое и литургическое направления в науке о богослужении.

I. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЛИТУРГИИ.

а) ОБРАЗОВАНИЕ ЛИТУРГИИ.

1. Евхаристия как «Вечеря Господня». Еврейский застольный ритуал и Тайная Вечеря. Евхаристия во времена апостолов. IX–X гл. Учения XII Апостолов. Пережитки древней «Вечери Господней».

2. Литургия в описании св. Иустина Мученика, ее составные элементы.

б) ОБЗОР И ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЛИТУРГИЙ. КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИТУРГИЙ.

1. а) Вопрос о Константинопольской литургии. Так называемая Климентова литургия. Ее составитель, источники, построение (молитвы за оглашенных, одержимых, кающихся, просвещаемых и верных, евхаристическая молитва и проч. части), время и место составления.

б) Св. Василий Великий как автор литургии. Каппадокийская литургия времен св. Василия. Исторические свидетельства о литургической деятельности св. Василия. Редакция и рукописи его литургий.

в) Литургическая деятельность св. Иоанна Златоуста. Современная Златоусту литургия по его творениям. Редакция и списки литургии Златоуста и ее отношение к литургии св. Василия Великого.

г) Вероятная основа Константинопольской литургии. Ее древнейшие части и более поздние прибавки. Проскомидия, ее древние формы. Количество хлебов в евхаристии в IV–IX вв. Чин Константинопольской проскомидии в XII–XVII вв.: количество просфор, источник проскомидийных молитв и поминовений и распределение этих поминовений по отдельным просфорам. Другие прибавки в чин Константинопольской литургии.

д) Литургия Преждеосвященных Даров.

2. Иерусалимская литургия, так называемая св. Ап. Иакова. Древнейшие ее описания. Сирская и греческая редакции этой литургии. Ее порядок.

3. Несторианские литургии. Число их. Порядок литургии, так называемой Св. Апостолов.

4. Армянская литургия. Источники сведения о ней и порядок ее.

5. Египетские литургии. Редакция, чины и переводы их. Собрание литургийных молитв св. Серапиона Тмуитского. Литургия Ап. Марка.

6. Западные литургии, и в особенности римская; ее порядок и евхаристическая молитва. Литургия галликанская, мозарабская и проч.

в) ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ МОЛИТВА.

Образование ее схемы.

II. СЛУЖБЫ СУТОЧНОГО КРУГА.

Часы молитвы у евреев и древних христиан. Преобразование часов частной христианской молитвы в общественные службы. Древние чины вечерни и утрени, их составные элементы. Осложнение простых чинов. Службы по Палестинскому часослову (особенно вечерни и утрени). Палестинский устав пения Псалтири. Часослов Великой Константинопольской церкви (чины вечерни, утрени, тритекти и панихиды). Часословы: несторианский, сирско-монофизитский, армянский, коптско-эфиопский и западные.

III. БОГОСЛУЖЕБНЫЙ КАЛЕНДАРЬ.

1. Подвижные памяти. Круг седмичных памятей. Пасха.

Споры об этом празднике во II и IV вв. Система памятей великопостных (посты св. Пасхи и 40-цы, памяти, перенесенные в великопостный период из неподвижного круга, памяти воскресных дней 40-цы, приготовительные к Великому посту дни), 50-ца и ее памяти. Пост Св. Апостолов.

2. Неподвижные памяти. Праздники Богоявления, Рождества Христова, Сретения, Благовещения, Преображения, Рождества Богородицы, Введения, Успения. Памяти святых: древность установления их. Древнейшие месяцесловы: римский 354 г., карфагенский, сирский 411 г., так называемый Иеронимов, — устав Великой Константинопольской церкви.

Таким образом, И. А. Карабинов очевидно отдает предпочтение изучению евхаристической молитвы в рамках своего курса, располагая следом за ней богослужение суточного круга и церковного года. Первостепенным для него остается византийское богослужение, но он также уделяет внимание развитию поместных традиций в каждом из направлений. Такой подход следует признать уникальным.

В материалах Отчетов о состоянии СПбДА в последующие годы указано, что Иван Алексеевич читал лекционный курс об истории служб суточного круга, праздников, календарей, церковных уставов и лекционария (Отчет, 1912, 37; Отчет, 1916, 33); также в рамках курса изучались чинопоследования церковных таинств, о чем свидетельствуют Отчеты за 1914–1915, 1915–1916 и 1916–1917 гг. (Отчет, 1915, 27; Отчет, 1916, 33; Отчет, 1917, 15). По-видимому, И. А. Карабинов посчитал приоритетным вначале системно изложить материал по истории литургии и богослужения суточного круга, учитывая кафедральные и монашеские особенности богослужебной практики, а в оставшееся время, возможно, планировал уделить внимание чинопоследованиям таинств, но в рамках курса изучение церковных таинств не указано. Также в курсах разных лет имеются пометки, которые можно истолковать как деление всего материала на разделы для ответов по билетам; установить, кому принадлежит это членение материала (автору курса, студентам И. А. Карабинова, или эти пометки были сделаны в более позднее время), сегодня вряд ли представляется возможным. В машинописном варианте курса 1910–1911 гг. встречаются и иные знаки работы с материалом: зачеркивания, исправления, подчеркивания, стрелки и др.; в машинописные тексты от руки вписаны слова на греческом языке.

Начиная с 1910–1911 гг. И. А. Карабинов дополнил лекционный материал семинарами (т.н. практическими занятиями), на которых рассматривались литургические источники: литургико-канонические памятники, тексты древних литургий

и свидетельства о начальном этапе развития кафедрального богослужения¹¹. Той же системы И. А. Карабинов придерживался в 1912–1913 и в 1913–1914 уч. гг.¹², в 1914 г.¹³ и в 1-й пол. 1915 г.¹⁴. Во 2-й пол. 1915 г. и в течение всего 1916 г., а также в 1917 г. «практические занятия» не проводились (Отчет, 1917, 15). Таким образом, И. А. Карабинов выстраивает программу на основании проработанного им самим источникового материала и на тех источниках, которые были опубликованы, а также на современной ему научной литературе с привлечением широкого историко-культурного контекста. В целом И. А. Карабинов организует курс не хронологически, но концептуально: он выстраивает материал в соответствии со своими научными приоритетами — изучением литургии и ее центральной части — евхаристической молитвы, а также с основными «силовыми линиями» развития литургической традиции — кафедральным и монашеским богослужением. Это членение будет выделено впоследствии и литургистами «школы Матеоса» (см.: [Роберт Тафт, 2010, 220–277]).

4. Особенности изложения лекционного материала

Рассмотрим содержательные особенности курса И. А. Карабинова на примере лекционного курса 1910–1911 гг.

4.1. *Изучение литургии.* Приоритет в лекционном курсе И. А. Карабинов отдавал формированию литургического чина, и прежде всего евхаристической молитвы. Именно при изложении этого материала он высказывает свои концептуальные идеи в отношении изменяемости чина, а также пытается выстроить, насколько это позволяет сделать источниковый материал, целостную траекторию развития последования литургии от первоначальной «клеточки» — так он называет Тайную Вечерю, к развитым формам богослужения в различных регионах христианского Востока. Начав со структуры иудейского пасхального седера, И. А. Карабинов рассматривает новозаветные свидетельства, скрупулезно разбирает гл. 9 и 10 Дидахи и переходит к описанию совершения Евхаристии у св. Иустина Мученика в 1-й Апологии. Для И. А. Карабинова несомненно, что в Дидахи «дан ритуал вечера Господней по образцу еврейской вечера» (Карабинов, 1911, 20). Он датирует появление «ритуала литургий» серединой II в. и выявляет «схему современной литургии: чтение священного Писания, проповедь, молитва и причащение» (Карабинов, 1911, 24). Ученый предполагает наличие двух видов богослужебных собраний у христиан во времена апостолов: «вечери Господней и собраний молитвенно-учительного характера» (Карабинов, 1911, 24). Он рассматривает причины, вследствие которых Евхаристия в воскресный день была объединена с утренним богослужением, и в качестве источника этой практики указывает, с определенными оговорками, Сирию и Малую Азию; остатки Вечери Господней, по мнению И. А. Карабинова, закрепились в традиции в литургии Великого Четверга и в практике совершения вечера любви (агап); ученый также усматривает их в различных формах чина возношения Панагии (Карабинов, 1911, 36–42).

¹¹ «...читались и комментировались литургические части Апостольских постановлений и Peregrinatio Эгерии (Сильвии Аквитанки); в 1911–12 учебном году тексты древних литургий» (Отчет, 1912, 37).

¹² На практических занятиях в 1912–1913 уч. году И. А. Карабинов читал и комментировал евхологий св. Серапиона Тмуитского, кондаки св. Романа Сладкопевца и др.; в 1913–1914 уч. г. разбирал памятники устава Великой Константинопольской церкви (Отчет, 1914, 9).

¹³ В 1914 г. у экстраординарного проф. И. А. Карабинова «[Н]а практических занятиях читались и комментировались памятники устава В[еликой] Константинопольской церкви по изданиям проф. А. А. Дмитриевского. Во вторую половину того же года... на практических занятиях читались греческие памятники патриаршего служения, а также литургия ап. Иакова» (Отчет, 1915, 27).

¹⁴ В 1-й пол. 1915 г. И. А. Карабинов на практических занятиях продолжил изучение богослужения Иерусалима по «Паломничеству Эгерии» (Отчет, 1916, 33).

В качестве основы для своих построений И. А. Карабинов считает необходимым определить изначальную схему литургии, и в этом он опирается на Первую апологию св. Иустина Мученика, гл. 65–67. Выявление первоначальной структуры и четкое определение ее элементов — собрание молящихся в одном месте; чтение Писания; проповедь; общая молитва; принесение хлеба, вина и воды; «молитвы и благодарения» (анафора) и «аминь» присутствующих; раздаяние Даров (причащение) (Карабинов, 1911, 56) — позволило впоследствии архим. Роберту Тафту сформулировать гипотезу о развитии чина в т. н. “soft points” («слабых местах»)¹⁵, т. е. литургических действиях без слов, которые впоследствии оказались нагружены «вторым» и «третьим» слоем литургического предания: псалмодией, молитвами и гимнографией, а также о развитии символического толкования. Под «тяжестью» всех перечисленных напластований исходная форма и значение литургических действий подверглись разрушению (см. об этом: [Матеос, Роберт Тафт, 2009, 77–118]). Как видно из курса, мысль И. А. Карабинова развивалась в том же направлении. Датируя возникновение известных евхаристических молитв, И. А. Карабинов считает необходимым указать на принципиальное различие между «тем, когда литургия записана, и тем, когда литургия составлена» (Карабинов, 1911, 85). В настоящее время этим наблюдением никого не удивить, но для 1910-х гг. следует отметить его новизну.

Одной из наиболее острых и дискуссионных тем в исследованиях евхаристической молитвы был и остается вопрос о привнесении в ее текст отдельных элементов, таких как слова установления и эпиклесис. И. А. Карабинов не подвергает сомнению апостольское происхождение основы литургии, но считает эти элементы привнесенными в первоначальную евхаристическую молитву. Для него как для ученого в этом нет ничего необычного, поскольку все процессы изменения являющиеся естественной формой бытования богослужебного чина: «Но раз литургия постоянно изменяется и живет, нельзя поэтому сказать, что она составлена в какое-то время» (Карабинов, 1911, 87).

В течение XX в. учеными рассматривались различные гипотезы о происхождении и взаимоотношениях версий литургии свт. Василия Великого [Желтов, 2016б]¹⁶, и И. А. Карабинов подступает к решению этой непростой исследовательской задачи, что свидетельствует о его научной смелости и квалификации; он вернется к истории текста литургии свт. Василия Великого в своей докторской диссертации, которая была утрачена во время обысков и арестов¹⁷.

И. А. Карабинов выдвигает гипотезу, что в Александрию литургия свт. Василия попала через Иерусалим¹⁸ (Карабинов, 1911, 96), датируя этот процесс V в. Выводы И. А. Карабинова относительно принадлежности анафоры или ее отдельных частей руке свт. Василия¹⁹ совпадают с той взвешенной позицией, которая существует сегодня в историко-литургической науке по вопросу о ее происхождении и различных редакциях²⁰. Свидетельства об «авторской руке» святых отцов

¹⁵ Термин «слабые места», предложенный переводчиками для вводимого архим. Р. Тафтом терминологического словосочетания “soft points”, представляет собой аналог отсутствующего в русском языке специального определения для характеристики пластичных элементов изначальной структуры, подверженных изменениям в течение исторического времени. Термин употребляется в отношении литургических действий, т. е. обрядов, которые происходят без слов и представляют собой такие элементы.

¹⁶ Как наиболее значимые автор выделяет работы Х. Энгбердинга, Дж. Фенвика, А. Будде и Г. Винклер.

¹⁷ И. А. Карабинов работал над докторской диссертацией, посвященной литургии свт. Василия Великого. См.: (Архив ИИМК, 3–4).

¹⁸ Гипотезу о существовании общего «предка» у анафор свт. Василия и ап. Иакова развивает Дж. Фенвик в своей диссертации.

¹⁹ «Нет достаточных оснований отвергать того, что Василий Великий написал евхаристическую молитву» (Карабинов, 1911, 106).

²⁰ «Итоговое решения ни проблема происхождения анафоры свт. Василия, ни проблема взаимоотношения ее различных версий не имеют. Бесспорным является лишь происхождение

при составлении текстов византийских литургий, носящих имена свт. Василия Великого и Иоанна Златоуста, следует, как полагает И. А. Карабинов, оценивать критически²¹. Вопрос о роли свв. отцов в создании текстов литургий для И. А. Карабинова «распадается на два частных вопроса: какова была литургия, современная этим свв. отцам, и что они с нею сделали» (Карабинов, 1911, 48), при этом он не поддерживает гипотезу, изложенную псевдо-Проклом Константинопольским, об авторском происхождении литургий свт. Иоанна Златоуста и Василия Великого, что подтверждает и современный научный консенсус по данному вопросу (см. об этом: [Желтов, 2001]).

При изложении материала о литургии свт. Иоанна Златоуста и литургической практике Константинополя И. А. Карабинов соотносит материал проповедей свт. Иоанна Златоуста и иные текстуальные и исторические свидетельства со сложившимся последованием. Регионом формирования чина литургии свт. Иоанна Златоуста И. А. Карабинов называет север Сирии или восточную часть Малой Азии (Карабинов, 1911, 84). Действительно, литургисты не только выявят значительное сходство, но и установят генетическую связь между анафорой свт. Иоанна Златоуста и сирийской анафорой Двенадцати апостолов²². И. А. Карабинов дает некоторые сведения о практике совершения литургии свт. Иоанна Златоуста в Константинополе как о литургии для будних дней церковного года, в то время как литургия свт. Василия была зарезервирована для воскресных дней и господских праздников²³. Также он реконструирует процесс развития чина литургии; рассматривает привнесение в чин молитвы Трисвятого и трисвятой песни, великой ектении, тропаря «Единородный Сыне» и службы трех антифонов (Карабинов, 1911, 128). Сегодня такая аналитическая работа составляет методологическую основу изучения структурных элементов последования²⁴.

Характерной чертой курса является интерес И. А. Карабинова к разнообразным формам литургической практики: он касается форм приношения даров к литургии, частоты и порядка причащения (во время жизни свт. Иоанна Златоуста все причащаются под двумя видами раздельно), порядка приношения и количества просфор к литургии в различные церковные праздники, размера частиц св. Хлеба, которыми причащались верные, и др.²⁵ Интересную гипотезу И. А. Карабинов высказывает

как полных (византийской, 1-й и 2-й армянских, сирийской), так и кратких (коптских, греко-египетской, эфиопской) версий от некоего общего прототипа — возможно, записанного уже ко времени деятельности свт. Василия, а возможно, существовавшего устно. Этот прототип мог быть древней анафорой региональной церковной традиции, например каппадокийской. Вероятно, свт. Василий принял участие в фиксации или переработке этого прототипа, что подтверждается и устойчивым и весьма древним преданием о нем как о составителе литургии, и выявленными параллелями между византийской версией анафоры и богословскими сочинениями святителя» [Желтов, 2016б, 283].

²¹ «Тексты... литургий, даже в древнейших своих списках, осложнены уже позднейшими дополнениями, и выделить там части, принадлежащие указанным отцам, без критики невозможно» (Карабинов, 1911, 45). См. также: [Желтов, 2001].

²² См.: [Engberding, 1938; Wagner, 1973]. Итог сравнительного анализа этих текстов изложен в работах архим. Р. Тафта, в т. ч.: [Robert Taft, 1990a; Роберт Тафт, 2009].

²³ «Есть, правда, не совсем ясные свидетельства, что евхаристическая молитва Златоуста существовала уже в начале VI в. Есть и другое такого же сорта известие, что до VIII в. литургия Златоуста была будничной литургией Константинопольской церкви, тогда как литургия Василия Великого совершалась там по всем воскресным дням (и праздникам?), круглый год; литургия Златоуста служилась по понедельникам, вторникам, четвергам и субботам» (Карабинов, 1911, 118–119). Ср.: [Паренти, 2018, 9–42]. Генезис литургии свт. Иоанна Златоуста, обзор рукописей и современное состояние исследований см. в: [Желтов, 2016б, 289–295].

²⁴ См.: [Матеос, Роберт Тафт, 2009]. Развитию литургии от начала до Трисвятого о. Хуан посвящает сс. 9–24. Архим. Р. Тафт рассматривает общую структуру литургии, разбивая ее на блоки — liturgical units, опираясь на системный сравнительно-исторический подход А. Баумштарка.

²⁵ «В Мозарабской церкви на Рождество Христово предписывалось приносить 17 хлебов (12 + 4 + 1, пять располагались в форме креста), в день св. Пасхи положено 45 хлебов, которые располагались узорчатым шестиконечным крестом; в день св. Троицы — также 45, но они раскладывались квадратом, с крестом посередине — во образ небесного Иерусалима; в обычные дни

относительно членения просфор с помощью печатей: необходимость разделить просфору на определенное количество частей была следствием исходного количества приносимых просфор (если печатать, с помощью которой делится просфора, четверочастная, то изначально приносилось четыре хлеба, если, как у монофизитов, в печати было 12 частей, то изначально и приносилось 12 хлебов) (Карабинов, 1911, 139).

И. А. Карабинов уделяет внимание оформлению чина проскомидии: усложнение его «со стороны молитвословий» (Карабинов, 1911, 140) происходит с XI в., а сам чин появляется только в XII в. С XIII в. оформляется процесс упорядочения поминовений для каждой из приносимых просфор и происходит постепенное преобразование диптихов в проскомидийные поминовения (Карабинов, 1911, 145). Примечателен вывод, который делает ученый в отношении источника происхождения проскомидии: не поминовения повлияли на количество просфор в чине проскомидии, а напротив, количество просфор побудило структурировать и упорядочить диптихи (Карабинов, 1911, 148). Атрибуцию текста литургии Преждеосвященных Даров свт. Григорию Двоеслову И. А. Карабинов считает недоразумением.

Раздел, посвященный литургии ап. Иакова, следует отметить особо, поскольку одной из пробных лекций И. А. Карабинова перед началом преподавания была лекция о литургии ап. Иакова. Генезис этой литургии И. А. Карабинов видит следующим образом: «Из того, что было сказано выше о происхождении литургий (антиохийской и малоазийской. — З. Д.), само собою ясно, что нельзя даже и ставить вопроса о принадлежности этой литургии ап. Иакову. В его время литургии еще не было, а была „вечера Господня“. Древнейшая часть литургии ап. Иакова — евхаристическая молитва — в IV в. претерпела радикальную переделку» (Карабинов, 1911, 157)²⁶. При анализе описания евхаристической молитвы в Тайноводственных поучениях свт. Кирилла / свт. Иоанна Иерусалимского И. А. Карабинов отмечает тесную связь между таинствами Крещения и Евхаристии, как будто во времена свт. Кирилла они были соединены «так же, как и во времена Иустина Мученика» (Карабинов, 1911, 157). И. А. Карабинов опирается на текст «О церковной иерархии» Псевдо-Дионисия Ареопагита, при этом полагает, что в этих текстах описана литургия именно иерусалимской редакции (Карабинов, 1911, 160)²⁷. И. А. Карабинов уточняет, что «в V–VI вв. иерусалимская литургия претерпела разделение», вследствие которого сирийцы-монофизиты стали использовать иерусалимскую литургию ап. Иакова в качестве основной, и сирская ее редакция, в отличие от греческой, сохранила древнюю форму иерусалимской литургии. Для И. А. Карабинова литургия ап. Иакова заполняла важнейшую лакуну в истории развития литургического чина: «Греческая ее редакция сохранила немало пережитков таких особенностей Константинопольской литургии, которые в этой последней уже совсем почти исчезли» (Карабинов, 1911, 172). В его классификации, именно литургии Иерусалима коснулась в первую очередь литургическая реформа: «в Иерусалиме первоначально вставлены были в анафору установительные слова, там же выработалось и призывание» (Карабинов, 1911, 188–189), что повлияло на прочие поместные практики: «как я заметил, в IV в. все анафоры старались подражать иерусалимской — заимствовали из нее установительные слова и призывание» (Карабинов, 1911, 190).

Вслед за литургией ап. Иакова и редакциями ее текста И. А. Карабинов рассматривает литургии Несторианской церкви, и прежде всего литургию, носящую имя

положено было приносить 5 хлебов, которые располагались в форме креста, и средний хлеб должен быть всегда по размеру больше остальных» (Карабинов, 1911, 137).

²⁶ Современное состояние дискуссии о генезисе текста литургии ап. Иакова см. в: [Желтов, 2016а, 244–253].

²⁷ Вопрос о том, какие литургии легли в основу различных литургических комментариев, становится предметом научной дискуссии. В отношении происхождения литургии, описанной Псевдо-Дионисием Ареопагитом в 3-й главе трактата «О церковной иерархии», Р. Борнер указывает, что «в основном все исследователи согласны в том, что чин Божественной литургии» в этом памятнике «принадлежит к сирийской традиции» [Борнер, 2015, 74].

апп. Фаддея и Мария (Аддай и Мари). Он отмечает ее характерную особенность — отсутствие установительных слов, а также указывает на привнесенный в более позднее время эпиллесис. В завершение раздела о литургиях христианского Востока И. А. Карабинов рассматривает «Египетские литургии» — так он обозначает литургии Александрийской литургической семьи, в которой он группирует греческие, коптские и эфиопские литургии этого типа. Наибольший интерес для ученого представляет александрийская литургия ап. Марка; в александрийских литургиях свт. Василия Великого и свт. Григория Богослова И. А. Карабинов видит значительное влияние иерусалимской литургической практики в силу ее определяющего значения для христианского Востока, и влияние Константинополя как столицы империи: более поздние рукописи литургии ап. Марка будут обнаруживать все больше заимствований из константинопольской практики.

Последним разделом литургической части курса И. А. Карабинова является обзор западнохристианских литургий: африканской, римской, медиоланской, галликанской, древнеиспанской и британской. И. А. Карабинов отмечает, что все литургии этой группы «построены по одной и той же древнехристианской схеме, которую во второй половине II в. описал Иустин» (Карабинов, 1911, 196). Как полагает И. А. Карабинов, «все эти литургии в сущности представляют собой видоизменения одного общего типа, который стоит близко к восточной, т.е. малоазийской литургии» (Карабинов, 1911, 197); также он отмечает черты сходства римской литургии с александрийской.

Обобщая литургический материал, И. А. Карабинов сопоставляет иерейский чин литургии с архиерейским и делает общий вывод о консерватизме, присущем богослужению в целом: «крупных и резких реформ в истории нашего богослужения нет, а постепенные изменения совершаются постоянно, новое видоизменяется и уживается со старым, и наше богослужение составлено из таких частей, одни из коих появились чуть ли не вчера, а другие относятся, быть может, к апостольским временам» (Карабинов, 1911, 132). К сходным заключениям несколько десятилетий спустя придет и крупнейший литургист XX в. Антон Баумштарк, который сформулирует эти закономерности в форме «законов» литургического развития: развитие богослужения является совокупностью отдельных событий и новшеств; богослужебные последования в отдельных своих частях развиваются неравномерно; новые части могут сосуществовать с более древними²⁸. И. А. Карабинов реконструирует логику развития богослужения и постулирует постоянное изменение богослужебных форм почти на 30 лет ранее А. Баумштарка²⁹, однако уточняет: «...даже и в эпохи, когда предпринимаются сильные и резкие перемены и реформы в богослужении, оно почти никогда не изменяется все целиком; всегда в нем остается очень много старого» (Карабинов, 1911, 85). У И. А. Карабинова прослеживается ясная мысль о траектории развития обряда: от литургических действий (простых обрядов без слов) к развитым и перегруженным литургическим формам (И. А. Карабинов называет их несколько иронично «пышными гирляндами»). Он указывает, что региональные последования несут на себе результаты византинизации, что свидетельствует о влиянии богослужения столицы на региональные литургические практики. И. А. Карабинов развивает свою мысль в аналитическом ключе, характерном и для анализа литургических форм и структур в работах более позднего времени — исследованиях о. Хуана Матеоса, архим. Р. Ф. Тафта и их учеников, последователей «школы Матеоса»³⁰.

²⁸ Антон Баумштарк изложил свою методологию в 10 лекциях, которые прочитал в монастыре Аме-сюр-Мёз (Amau-sur-Meuse) в 1932 г. и впоследствии опубликовал [Baumstark, 1939–1953]. Законы литургического развития актуализировал в своих работах архим. Роберт Тафт. См., напр.: [Robert Taft, 2001a, 191–232].

²⁹ «Составляются и изменяются литургии постоянно. Даже и теперь, когда она, по-видимому, установилась и закреплена в печатных книжках, на практике — в службе — она постоянно и довольно сильно изменяется» (Карабинов, 1911, 85).

³⁰ См., напр.: [Mateos, 1971; Robert Taft, 2001b].

4.2. Богослужение суточного круга.

При рассмотрении богослужения суточного круга И. А. Карабинов придерживается своего главного методологического принципа: проследить истоки христианского богослужения и восстановить, насколько это возможно, последовательные этапы его развития. Как и в отношении евхаристической молитвы, он указывает на происхождение христианского богослужения времени из «еврейских молитвенных обычаев» (Карабинов, 1911, 214). Несмотря на очевидное сходство между отдельными элементами христианского и иудейского богослужения в части богослужебных последований, И. А. Карабинов осторожно высказывается, что, «кажется, генетического родства между христианскими и иудейскими службами нет, хотя встречаются и любопытные совпадения» (Карабинов, 1911, 219). Он указывает на эти совпадения, но отмечает, что они возникают у иудеев более позднего времени.

И. А. Карабинова интересует литургическая Псалтирь, поскольку «[в] древности она заменяла собою весь... обширный круг богослужебных книг... служила... и часословом, и минеей, и триодью, и октоихом. Она вместе с тем была для христианина и молитвенником, который он постоянно держал при себе за богослужением» (Карабинов, 1911, 220). И. А. Карабинов попытался реконструировать членение константинопольской литургической Псалтири³¹; он характеризует отбор литургического материала при распределении псалмов по богослужениям суточного круга как сделанный «с умом и большим мастерством» (Карабинов, 1911, 227), указывая на связь библейского материала с конкретным богослужебным часом дня и ночи. Особое внимание И. А. Карабинов уделил различию уставной практики Иерусалима и Константинополя в отношении совершения вечерни и утрени. Он полагал, что палестинский часослов не был аутентичной практикой палестинских монастырей, несмотря на надписания в рукописях (например, «Часословец по уставу святого и преподобного отца нашего Саввы Иерусалимского»). По мнению ученого, часослов, т. е. устав богослужений суточного круга «великой Иерусалимской церкви», был вначале усвоен палестинскими обителями и потом проник «в Византию, большей частью, с монашескими уставами» (Карабинов, 1911, 235).

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет выполненная И. А. Карабиновым реконструкция богослужебных последований вечерни и утрени Великой Константинопольской церкви и порядок чтения вечерних и утренних пресвитерских молитв, ныне разрушенный³². Основу структуры последования составляли три псалма с соответствующими припевами к ним; великая ектения также занимает не свое историческое место, поскольку, в соответствии с более древней практикой, зафиксированной, например, в Апостольских постановлениях, она находилась после ектении об оглашаемых, одержимых и кающихся. Интересными с точки зрения попытки реконструировать древнее богослужение Константинополя представляются рассуждения И. А. Карабинова о трехчастном составе константинопольской кафедральной вечерни. Он отмечает связь конкретных молитв с местом их возношения и литургическими

³¹ В основу своей реконструкции И. А. Карабинов положил распределение псалмов с именем патр. Анфима (VI в.): константинопольская Псалтирь делится на 72 антифона, соединенных в группы, в основе соединения лежат 12 припевов; количество антифонов для утрени и вечерни определяется периодом церковного года — они изменялись на утрени и вечерне в зависимости от продолжительности дневных и ночных часов (Карабинов, 1911, 250–251). Реконструкция богослужения суточного круга, в т. ч. константинопольской литургической Псалтири, была сделана иером. Мигелем (Арранцем). На русском языке его выводы обобщены в работах: [Михаил Арранц, 1979; Михаил Арранц, 1998].

³² «В настоящее время у нас древний порядок их (пресвитерских светильничных молитв вечерни и утрени. — З. Д.) чтения соблюдается лишь на преждеосвященной литургии, на обычной же вечерне от них остались лишь одни возгласы; самые же молитвы уже прочтены иереем авансом за предначинательным псалмом» (Карабинов, 1911, 240). См. также: [Дмитриевский, 1888; Дмитриевский, 1886].

действиями: светильничные молитвы читаются в притворе, молитва перед входом сопровождает реальный вход. И. А. Карабинов справедливо предполагает, что центральная часть вечерни, состоящая из трех т.н. «малых антифонов» с их молитвами, имеет структурное сходство со службой трех антифонов до малого входа на литургии. Вычленив эти «малые антифоны» среди молитв коленопреклонной вечерни в день Пятидесятницы, он указывает: «Чин пентикостии у нас единственный случай, когда молитвы вечерни... сполна читаются вслух, вместе с тем он единственный чин вечерни, где действительно исполняется древний обычай начинать коленопреклонение с воскресной вечерни» (Карабинов, 1911, 246). Исследовательская интуиция не подводит И. А. Карабинова и в этом случае: он предполагает, что на вечерне Пятидесятницы зафиксирован древний богослужебный порядок, прежде соответствовавший всякому воскресному дню — возобновлять коленопреклонения в вечер воскресного дня, поскольку существовал древний обычай отменять коленопреклонения после входа в алтарь в субботу до входа на вечерне в воскресенье.

Реконструируя чин песенной утрени, И. А. Карабинов также выделяет ее трехчастную структуру. Пресвитерские молитвы утрени, отмечает он, читались «не сразу огульно и не тайно, а поодиночке, после известных псалмов и песней и непременно вслух»; все молитвы увязывались с логикой развития последования³³. Как и в отношении вечерни Пятидесятницы, И. А. Карабинов заключает, что элементы утрени, соответствующие константинопольской богослужебной практике, можно увидеть в богослужениях утрени Великой Субботы и Пасхальной заутрени, и тем самым указывает на практику наиболее значимых богослужений церковного года, сохраняющих наиболее древние черты литургической традиции. Эта закономерность позже будет сформулирована Э. Фортестью и А. Баумштарком³⁴. И. А. Карабинов отмечает, что константинопольское кафедральное богослужение было довольно сложным с точки зрения состава и весьма продолжительным: «нельзя считать это богослужение довольно кратким, как того хотят некоторые из наших новых реформаторов богослужения, с сожалением толкующих об уставе соборных церквей, якобы вытесненных монастырским уставом» (Карабинов, 1911, 251). Ученый отмечает сосуществование элементов иерусалимского богослужения с богослужебными порядками столицы Византии и ссылается на постепенное нарастание иерусалимских обычаев, о чем свидетельствуют рукописи, опубликованные А. А. Дмитриевским, а также Апостолы X–XII вв. «с типикарными заметками двойного источника — иерусалимского и византийского» (Карабинов, 1911, 255)³⁵.

³³ «Даже еще по нынешнему нашему чину утрени мы можем проследить, где они читались в старину. Для этого нужно только сравнить все возгласы утрени с концами утренних молитв, и тогда вы увидите, например, что первую молитву нужно читать после великой ектении, третью после второй кафизмы, шестую после шестой песни, одиннадцатую перед хвалитными псалмами и т.д.» (Карабинов, 1911, 247). Аналогичным образом характеризует ситуацию с пресвитерскими молитвами на вечерне и утрени архим. Роберт Тафт в своей классической работе об истории богослужения суточного круга: «The presidential prayers now bunched at the beginning of both vespers and matins were of course meant to be distributed throughout the office, each in its proper place. The numerous “dangling doxologies” or ekphonesteis unattached to any prayer that are scattered throughout these services usually indicate the original place of one of these collects» («Молитвы предстоятеля, ныне сгруппированные в самом начале и утрени, и вечерни, были, естественно, распределены по всему богослужению, каждая находилась на своем определенном месте. Многочисленные, как бы „висящие в воздухе“ словословия или возгласы, не привязанные к каким-либо молитвам и разбросанные по тексту последований, обычно указывают на исходное место этих молитв») [Robert Taft, 1986, 277].

³⁴ Ср.: «Закон консервации древних обычаев в наиболее важные литургические периоды (СЛ 27–30) был впервые сформулирован Эдриеном Фортестью не ранее 1912 г. и развернут А. Баумштарком в работе „Сравнительная литургия“» [Robert Taft, 2011a, 198, особ. сн. 26].

³⁵ Постепенному проникновению литургических порядков Иерусалима в практику Константинополя и их сосуществованию посвящена статья современного исследователя византийского богослужения диак. Стефано Паренти [Паренти, 2020, 73–99].

Завершает изложение богослужения суточного круга раздел «Часословы прочих церквей», в котором И. А. Карабинов сжато излагает богослужение суточного круга в несторианской церкви, у сирийцев-монофизитов, в Армянской церкви, у христиан Египта — коптов и эфиопов, а также у христиан Запада — в Медиолане (Милане), в Северной Африке, Галлии и Ирландии. Для анализа суточного круга богослужения Эфиопской церкви он обращается к критическому изданию эфиопского часослова, подготовленному Б. А. Тураевым (Тураев, 1897).

В качестве основных характеристик научного метода И. А. Карабинова, которые проявились в его исследованиях богослужения суточного круга, следует отметить аналитичность и стремление рассматривать последования как структуры. Этот подход позволил ученому проследить траекторию изменений интересующих его элементов, а также выявлять взаимосвязи и взаимовлияние различных литургических традиций. В сравнении с трудами коллег и предшественников, анализ поместной практики богослужений суточного круга, проделанный И. А. Карабиновым, раскрывает разнообразие региональных практик и дает возможность исследовать каждую традицию и синхронически, и диахронически.

5.3. Богослужение церковного года.

Богослужение церковного года И. А. Карабинов предлагает рассматривать в трех аспектах: 1) церковный богослужебный календарь; 2) церковный устав (т.е. богослужебные указания о совершении богослужений); 3) лекционарий. Судя по количеству отсылок, основным материалом для И. А. Карабинова при разработке этой части курса из русскоязычных работ послужили труды И. Д. Мансветова. В разделе о формировании круга памятей святых И. А. Карабинов опирается на данные источников — писания отцов и учителей Церкви, итинерарии, проповеди, и на опубликованные исследования, в частности, архиеп. Сергия (Спасского) (Сергий Спасский, 1875–1876).

При рассмотрении церковного календаря И. А. Карабинов предлагает делить его исключительно на *подвижные* и *неподвижные* памяти, поскольку широко применявшееся деление на круг седмичных памятей (Октоих), подвижный круг Триодии и Пентикостария (от Недели о мытаре и фарисее до Недели всех святых) и круг подвижных памятей (Минею) не кажется ему удачным (Карабинов, 1911, 274). Седмичные памяти И. А. Карабинов предлагает рассматривать тоже как своего рода подвижный круг, который взаимосвязан с кругом триодным: пение Октоиха предусмотрено после окончания Пентикостария. Октоих как богослужебная книга, по мнению И. А. Карабинова, представляет собой в некотором роде «общую минею», на которую «накладываются» специальные «памяти» Пасхи, Пятидесятницы, Недели мытара и фарисея, Великого Четверга и др. (Карабинов, 1911, 274–275). Развитие неподвижного круга, по мнению И. А. Карабинова, связано с открытием святых мест в Палестине (и со временем их становилось все больше): именно этот факт привел к росту количества «отмечающих данные места церквей, монастырей и др. религиозных построек» (Карабинов, 1911, 315).

Увеличение месяцесловных памятей И. А. Карабинов связывает прежде всего с расширением связей между Церквями, когда «начали появляться месяцесловы, которые захватывают все более и более широкий круг памятей различных местностей и выражают тенденцию стать месяцесловами всей церкви» (Карабинов, 1911, 316). Логика развития в данном случае однозначно указывает на первый пласт традиции — региональные памяти, лежащие в основе минейного круга в каждом конкретном регионе; взаимопроникновение памятей — это следующий этап в развитии месяцеслова. В рассмотрении месяцесловов христианского Востока И. А. Карабинов опирается на открытый сириологом Райтом и опубликованный в переводе на греческий язык Л. Дюшеном сирийский месяцеслов, который следует считать сводным памятником Восточных Церквей (Карабинов, 1911, 323), также обращается к т.н. Мартирологу Иеронима и Константинопольскому месяцеслову. И. А. Карабинов обращает внимание на компилятивный характер месяцесловов Восточных Церквей более позднего времени и видит в этом возможность извлечь из них сведения о региональных

памятях времени более раннего³⁶. Последний вывод свидетельствует о логике развития всего богослужения в целом — от местной региональной практики к обобщению литургического материала в крупных литургических центрах.

Заключение

1. Курс литургики И. А. Карабинова выявляет научные приоритеты ученого: изучение литургии во всем многообразии традиций представляется ему фундаментом богослужения как такового, поэтому формирование молитвы и ее особенностей в различных литургических практиках превалирует над материалом богослужения суточного круга и церковного года. Исследовательский интерес И. А. Карабинова вызывают кафедральные последования и формы стационального городского богослужения. В процессе преподавания ученый возвращался к теме, которая интересовала его в начале преподавательской деятельности, — к иерусалимской литургии ап. Иакова. Следует отметить исследовательскую интуицию И. А. Карабинова о влиянии иерусалимского кафедрального богослужения, наряду с палестинскими монашескими последованиями, на становление синтетического константинопольского богослужения³⁷. Несмотря на необходимость излагать материал сжато и концентрированно, И. А. Карабинову удалось реконструировать целостную картину развития богослужебных последований с учетом региональных особенностей; его гипотезы и интуиции нашли свое подтверждение и были развиты европейскими учеными в литургической науке через полвека.

2. В отношении методологии И. А. Карабинов следует основным трендам литургической науки своего времени: историю богослужения он предлагает изучать не как практические формы культа, но с точки зрения развития и изменений, опираясь на сопоставление сходных практик и последований в их историческом развитии и региональном разнообразии. Его изложению присуща системность, он опирается на фундаментальные принципы в изучении богослужения: последовательность, стремление учесть максимальное количество прямых и косвенных источников, сравнительно-литургический и историко-культурный анализ.

3. В основу своих выводов И. А. Карабинов положил данные литургических источников: он опирался на проработанный им богатый рукописный материал, публикации источников и передовые на тот момент исследования коллег. Итогом его анализа был общий тезис о неравномерном развитии богослужебных последований: их отдельные части могут видоизменяться вследствие изменений исторических обстоятельств и условий, сами последования как целостные единицы развиваются неравномерно. Широкий охват материала и исследование региональной специфики позволили И. А. Карабинову сделать не только обобщающие выводы относительно развития богослужебной практики в целом, но и углубиться в историю развития региональных литургических традиций.

³⁶ Наиболее древние из дошедших до нас календарей с памятьми святых (в первую очередь мучеников), на которые ссылается И. А. Карабинов, — это римский мартиролог (III в.), начинающийся с Рождества Христова, и карфагенский (предположительно VI в.), начинающийся с Пасхи. Иллюстрируя свой тезис о взаимопроникновении месецсловов, И. А. Карабинов отмечает в карфагенском календаре наличие не только местных памятей, но и памятей, своим происхождением указывающих на Палестину (первомученика и архидиака Стефана, апп. Иоанна и Иакова Зеведеевых, вифлеемских младенцев, рождество Предтечи), римские памяти (апп. Петра и Павла), константинопольские (св. Луки и ап. Андрея), а также память мучеников Маккавеев антиохийского происхождения. Также в карфагенском календаре, помимо североафриканских мучеников, встречаются имена римских, сицилийских, неаполитанских, испанских, миланских мучеников и даже мучеников из г. Новиодунума в устье Дуная, а также св. Евфимия из Халкидона (Карабинов, 1911, 333).

³⁷ В настоящее время данная точка зрения представляет собой научный консенсус. См.: [Роберт Тафт, 2001, 70; Robert Taft, 1990a].

4. Изучение лекционных курсов И. А. Карабинова позволяет судить не только о научной квалификации и исследовательском горизонте русского литургиста, но и о становлении российской литургики как науки в целом. Преподавательская и ученая деятельность И. А. Карабинова в СПбДА, как и многолетние труды А. А. Дмитриевского в КДА, обладала качеством научной новизны. И. А. Карабинов специализировался в стремительно развивающейся области исторического знания, предлагал достаточно смелые гипотезы и построения, самостоятельно, не по описаниям, работал с рукописным и печатным материалом. Во многом исследовательские интуиции И. А. Карабинова были самостоятельно развиты западноевропейскими и американскими учеными во 2-й пол. XX в. Тем не менее восстановление в России исследовательских традиций в области литургики не представляется возможным без учета научных достижений российской литургической научной школы и И. А. Карабинова как одного из ключевых ее представителей.

Автор выражает благодарность Александру Владимировичу Благовещенскому, сыну протоиерея Владимира Благовещенского, и заведующему кафедрой Церковной и социальной истории СФИ к.и.н. доценту Константину Петровичу Обозному за возможность опубликовать фотографию И. А. Карабинова.

Источники и литература

Источники

1. Архив ИИМК — Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 267. 7 л.
2. Дмитриевский (2017) — *Дмитриевский А. А.* Лекции по литургии, прочитанные студентам Казанской духовной академии в 1882–1884 гг. Екатеринбург, 2017. 612 с.
3. Журналы (1906) — Журналы заседаний Совета Академии за 1905–1906 гг. (в извлечении). СПб., 1906.
4. Карабинов (1907) — *Карабинов И. А.* Лекции по литургии профессора И. А. Карабинова. Издание студентов LXV студентов С. П. Д. Академии. С.-Петербург. 1907 г. 256 с. Литографированная рукопись. Номер в каталоге РНБ: 83–8/621. Аг 415.
5. Карабинов (1910) — *Карабинов И. А.* Лекции по литургии профессора И. А. Карабинова. Издание студентов 4 (LXVII) студентов СПб. Духовной Академии в 1909–1910 ак. г. С.-Петербург. 1910 г. 456 с. Литографированная рукопись. Номер в каталоге РНБ: 83–8/626. VIII — 1145.
6. Карабинов (1911) — *Карабинов И. А.* Лекции по литургии профессора И. А. Карабинова. Издание студентов 4 (LXVII) студентов СПб. Духовной Академии в 1910–1911 г. Изданы студентом 4-го курса священником В. И. Зыковым. С. П. Б. 1911 г. Лит. Богданова, Эртелев п., 7. 336 с. Литографированная машинопись. Номер в каталоге РНБ: 83–8/624. 10 / 1315.
7. Карабинов (1915) — *Карабинов И. А.* Лекции по литургии, читанные студентам 3-го курса СПбДА в 1914/1915 уч. г. СПб., 1915. 355 с. Литографированная машинопись. Номер в каталоге РНБ: 71–8/1219.
8. Карабинов (1912) — *Карабинов И. А.* Лекции по литургии, чит. студентам СПбДА в 1911/1912 уч. г. СПб., 1912. 349 с. Литографированная машинопись. Номер в каталоге РНБ: Р30/Б-7/10.
9. Карабинов (1906) — *Карабинов И. А.* Литургика. Лекции И. А. Карабинова. 1905/6 уч. год. СПб., 1906. 214 с. Литографированная рукопись. Номер в каталоге РНБ: 83–8/625. 10/841.
10. Отчет (1908) — Отчет о состоянии СПб Духовной Академии за 1908 год. СПб., 1909. 51 с.
11. Отчет (1907) — Отчет о состоянии СПб Духовной Академии за 1907 год. СПб., 1908. 39 с.
12. Отчет (1911) — Отчет о состоянии СПб Духовной Академии за 1911 год. СПб., 1912. 58 с.

13. Отчет (1916) — Отчет о состоянии Императорской Петроградской Духовной Академии за 1915 год. СПб., 1916. 62 с.
14. Отчет (1917) — Отчет о состоянии Императорской Петроградской Духовной Академии за 1916 год. Христианское чтение. СПб., 1917. 37 с.
15. Отчет (1912) — Отчет о состоянии СПб Духовной Академии за 1911 год. СПб., 1912. 58 с.
16. Отчет (1915) — Отчет о состоянии СПб Духовной Академии за 1914 год. СПб., 1915. 63 с.
17. Покровский (1902) — *Покровский Н. В.* Лекции по литургике, читанные студентам 59 и 60 курсов С. Петербургской Академии профессором Н. В. Покровским, 1901/1902 г. Конспект лекций по литургике за 1901/1902 г. СПб.: Литография Богданова. Эртелев пер., 12, 1902. 515 + 20 с.
18. Сергей Спасский (1875–1876) — *Сергий (Спасский), архим.* Полный месяцеслов Востока: в 2 т. М., 1875–1876.
19. Тураев (1897) — *Тураев Б. А.* Часослов Эфиопской церкви // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1897. Т. 1. № 7.
20. Hann (1912) — *Hann T.* [Рец. на дис. И. А. Карабинова «Евхаристическая молитва (анафора). Опыт историко-литургического анализа» (СПб., Ч. Киришбаума, 1908)] // *Theologische Literaturzeitung*. 1912. Nr. 26. S. 812–813.
21. Salaville (1910) — *Salaville S. J.* Karabinov, Evkharitcheskaja molitva (Anafora), Opyt istoriko-litourgitcheskago analiza // *Échos d'Orient*. 1910. No. 84. P. 306–307.

Литература

22. Борнер (2015) — *Борнер Р.* Византийские толкования VII–XV веков на Божественную литургию. М.: Изд-во ПСТГУ; Культурный центр «Духовная библиотека», 2015. 384 с.
23. Дашевская (2021) — *Дашевская З. М.* Становление историко-литургического направления в русской академической науке конца XIX — начала XX в.: сопоставительный анализ методологических подходов Н. В. Покровского и И. А. Карабинова // *Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения*. 2021. № 1. С. 30–49. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-30-49.
24. Дмитриевский (1886) — *Дмитриевский А. А.* Утренние светильничные молитвы // Руководство для сельских пастырей. 1886. № 42. С. 180–192.
25. Дмитриевский (1888) — *Дмитриевский А. А.* Вечерние светильничные молитвы // Руководство для сельских пастырей. Киев, 1888. № 33. С. 494–508; № 36. С. 20–32.
26. Желтов (2001) — *Желтов М., прот.* Анафора // *Православная энциклопедия*. М., 2001. Т. 2. С. 179–289.
27. Желтов (2016а) — *Желтов М., прот.* Литургия апостола Иакова // *Православная энциклопедия*. М., 2016. Т. 41. С. 244–253.
28. Желтов (2016б) — *Желтов М., прот.* Литургия свт. Василия Великого // *Православная энциклопедия*. М., 2016. Т. 41. С. 280–289.
29. Желтов (2016в) — *Желтов М., прот.* Литургия свт. Иоанна Златоуста // *Православная энциклопедия*. М., 2016. Т. 41. С. 289–295.
30. Катанский (2010) — *Катанский А. Л.* Воспоминания старого профессора. С 1847 по 1913 годы. Н. Новгород, 2010. 432 с.
31. Матеос, Роберт Тафт (2009) — *Матеос Х., Тафт Р.* Развитие византийской литургии. Киев, 2009. 128 с.
32. Михаил Арранц (1998) — *Михаил (Арранц), иером.* Как молились Богу древние византийцы: Суточный круг богослужения по древним спискам византийского евхология: Дис. ... магистра богословия. Л., 1979. 310 с.
33. Михаил Арранц (1998) — *Михаил (Арранц), иером.* «Око Церковное»: Переработка опыта ЛДА 1978 г.: История Типикона. Рим, 1998. 122 с.
34. Паренти (2020) — *Паренти С.* Кафедральный обряд Константинополя: эволюция местной традиции // *Вестник СФИ*. М., 2020. № 33. С. 73–99.
35. Паренти (2018) — *Паренти С.* «Победа» литургии Иоанна Златоуста над литургией Василия Великого в церкви Константинополя // *Вестник СФИ*. 2018. № 28. С. 9–42.

36. Роберт Тафт (2001) — *Тафт Р. Ф., архим.* Византийский богослужебный обряд. СПб., 2001.
37. Роберт Тафт (2009) — *Тафт Р. Ф.* Богословские построения IV века в византийской анафоре святытеля Иоанна Златоуста // *Материалы V Международной богословской конференции Русской Православной Церкви «Православное учение о церковных таинствах»* (Москва, 13–16 ноября 2007 г.). М.: Синод. Библиейско-богословская комиссия, 2009. Т. 1. С. 400–421.
38. Роберт Тафт (2010) — *Тафт Р. Ф., архим.* Кафедральное и монашеское богослужение на христианском Востоке: доказательство различия // *Тафт Р. Ф., архим.* Статьи. Омск: Голованов, 2010. Т. 1. 480 с. С. 220–277.
39. Роберт Тафт (2011a) — *Тафт Р. Ф., архим.* Возвращаясь к «Сравнительной литургике» Антона Баумштарка // *Тафт Р. Ф., архим.* Статьи. Омск: Голованов, 2011. Т. 2. 416 с. С. 188–239.
40. Роберт Тафт (2011б) — *Тафт Р. Ф., архим.* Литургическое дело 25 лет спустя после Александра Шмемана (1921–1983): человек и его наследие // *Тафт Р. Ф., архим.* Статьи. Омск: Голованов, 2011. Т. 2. С. 313–349.
41. Сухова (2012) — *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2012. 759 с.
42. Baumstark (1939–1953) — *Baumstark A.* Liturgie comparée. Monastère d'Amay, 1939. 3. éd., revue par B. Botte. Chevetogne: Editions de Chevetogne, 1953. 287 p.
43. Engberding (1938) — *Engberding H.* Die syrische Anaphora der zwölf Apostel und ihre Paralleltexte einander gegenüberstellt und mit neuen Untersuchungen zur Urgeschichte der Chrysostomosliturgie begleitet // *Oriens Christianus*. Wiesbaden, 1938. Bd. 34 [= Ser. 3. Vol. 12.] S. 213–247.
44. Mateos (1971) — *Mateos J., S. J.* La célébration de la parole dans la liturgie byzantine. Pont. Institutum Studiorum Orientalium, 1971.
45. Robert Taft (2001a) — *Taft R.F.* Anton Baumstark's Comparative Liturgy Revisited // *Comparative liturgy fifty years after Anton Baumstark (1872–1948)*. 2001. 1020 p. P. 191–232.
46. Robert Taft (2001b) — *Taft R.F., S. J.* Beyond East and West: Problems in Liturgical Understanding. Pontifical Oriental Institute. Rome, 2001.
47. Robert Taft (1986) — *Taft R.F., S. J.* The Liturgy of the Hours in East and West: The Origins of the Divine Office and Its Meaning for Today. Collegeville, Minnesota: Liturgical Press, 1986. 421 p.
48. Robert Taft (1990a) — *Taft R.F.* A Tale of Two Cities. The Byzantine Holy Week Triduum as a Paradigm of Liturgical History // *Time and Community, in Honor of Thomas Julian Talley / Ed. By J. Neil Alexander*. Washington, 1990. P. 21–41. (NPM Studies in Church Music and Liturgy.)
49. Robert Taft (1990b) — *Taft R.F.* The Authenticity of the Chrysostom Anaphora Revisited: Determining the Authorship of Liturgical Texts by Computer // *Orientalia christiana periodica*. 1990. Vol. 56. № 1. P. 5–51.
50. Wagner (1973) — *Wagner G.* Der Ursprung der Chrysostomosliturgie. Münsteri. W., 1973. (Liturgiewissenschaftliche Quellen und Forschungen. Bd. 59).